Г. Г. Шакарян

ПРИРОДА ОШИБКИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ИДЕАЛИЗМУ

Прежде всего отметим, что как ошибка¹, так и истина являются познавательными категориями, т. е. они проявляются там и тогда, где и когда налицо объект отражения, субъект отражения и их взаимоотношение. До возникновения человека на земле не могло быть речи об истине или ошибке. Природа в то время «развивалась» без ошибок. Человек «принес с собой» как истину, так и заблуждение. Сам по себе предмет не может быть истинным или ложным. Таковыми могут быть лишь наши суждения, представления о нем. Истина—признак мысли, а не предмета. Обязательная связь истины с существованием субъекта отнюдь не является ее субъективистским восприятием. Истина субъективна лишь по форме, поскольку она может существовать в мысли конкретного субъекта, а по содержанию она в основном объективна. А между тем, ошибки субъективна не только по форме, но и по содержанию. Здесь действительные связи отражены не в естественном своем виде, а в искаженном, извращенном.

Искаженным отражением действительности является также и идеализм. Рассмотрим теперь, какие существуют общие и отличительные стороны между этими двумя видами заблуждений, каковы их основы и пути преодоления.

Как не всякое знание является философским знанием, не всякая идея—философской, так и не всякие ошибки должны считаться идеалистическими, не всякое заблуждение—заблуждением идеалистического порядка. Идеализм—это философски обобщенная система воззрений, определенная форма миропонимания. А философские обобщения относятся не к отдельным фактам, они относятся ко всей действительности, взятой как целое. Если всякое извращенное отражение явления или всякая ошибка считалась бы идеализмом, то по крайней мере было бы непонятно, как вообще могли существовать на земле материалисты.

Идеализм прежде всего является ошибкой принципа. Принципы же имеют различные степени обобщения, следовательно, различный охват явлений. Даже не все обобщения философского характера, содержащие ошибки, представляют собой идеализм. Например, в качестве философского принципа антропологизм Фейербаха был по своему содержанию далеко не научным, а между тем, вряд ли здесь можно обвинять Фейербаха в идеализме. Идеалистическое содержание могут иметь лишь

¹ Понятие «ошибка» в гносеологическом плане рассматривается в статье, как неадекватное отражение действительности, т. е. как противоположность истинности.

те принципиальные ошибки, имеющие философское обобщение, которые одновременно являются ошибками онтологического или гносеологического характера. В этом смысле вряд ли можно считать правильным подход, приобретший в нашей философской литературе силу привычки, согласно которому считаются равным образом идеалистическими и историко-философская концепция Гегеля и, например, географическое направление в социологии. В обоих случаях мы имеем дело с обобщениями, притом ложными обобщениями философского порядка. Как таковые, оба они ненаучны. Но разве всякое ненаучное положение одновременно может считаться идеалистическим?

Идеализм—это определенное миропонимание, согласно которому действительность в своей основе и своим содержанием есть нечто духовное. Придерживаясь такого исходного положения, следовало бы охарактеризовать географическое направление всего лишь как ненаучную концепцию, между тем как философия истории Гегеля является не только ненаучной, но и идеалистической.

Можно сказать, всякая идеалистическая ошибка имеет также метафизический характер. Но не всякая метафизическая ошибка непосредственно является также идеалистической, хотя и носит в себе тенденции, приводящие к идеализму. И вообще идеализм и метафизика в процессе познания по меньшей мере, в конечном итоге взаимно предполагают и сопутствуют друг другу, так же как последовательная диалектика может проявить себя на почве последовательного материализма, и, наоборот, последовательный материализм не может не быть одновременно диалектическим.

Следующим существенным отличием ошибки идеалистического содержания от обыкновенной ошибки является то, что первая из них не просто заблуждение на пути к истине, а такое заблуждение, которое вместе с гносеологическими имеет и социальные корни.

Вообще возможность неадекватного отражения действительности заложена как в объективном мире, так и в субъективном. Любой объект мысли может содержать в себе как положительное, так и отрицательное, как прогрессивное, так и регрессивное, и существенное и несущественное, содержать бесчисленные и бесконечные связи и признаки явлений и т. п. Уже в этой сложности скрывается возможность замечать лишь одно или другое, оценить их соотношения не равноценно и воспринять явления односторонне. Эта возможность дополняется индивидуальной призмой познающего субъекта, находящегося на определенном уровне общественного развития. Сложность явлений—объективная основа всякого заблуждения; субъект может превратить эту возможность в действительность, или же предотвратить ее.

Наряду с этими свойствами, присущими всякому заблуждению вообще, идеализм также имеет и свои социальные корни; это та конкретно-историческая среда в классовых обществах, которая обуславливает неверное, искаженное отражение действительности.

Прогрессивные классы, несущие логику истории в классовых обществах, стремятся отражать действительность именно так, как она есть. Это и является основным требованием материализма. Свою адекватную картину, свое второе «я» действительность может найти лишь только в материалистическом-диалектическом мировоззрении. Вот почему материализм, как правило, был и остается идеологическим оружием передовых слоев общества. Наоборот, реакционные или консервативные классы исходя из своих экономических интересов не заинтересованы называть вещи своими именами. Каковым могло быть, например, положение современной буржуазии, если бы ее идеологи хотя бы пассивно констатировали продиктованную историей ту истину, что частная собственность объективным ходом развития производства исчерпала свои прогрессивные возможности, что субъективные стремления буржуазии не только не совпадают с объективными закономерностями развития общества, но и противостоят им и т. д? Но буржуазный мыслитель не способен на это, пока не покинет почву своих классовых предрассудков.

Социальная принадлежность современного буржуазного мыслителя значительно сужает его кругозор, делает его неспособным понимать законы общественного развития. Именно поэтому Энгельс называет буржуазию невежественным и тупым классом. Буржуазия остается классом, не способным понимать цивилизацию нашей эпохи. Вот почему современные буржуазные социальные теории далеко не являются зеркалом самой буржуазной действительности. В идеологии пролетариата буржуазная действительность отражена более непосредственно и адекватно, чем в идеологии самой буржуазии. Если буржуазия хочет увидеть свое истинное лицо, ей следует всмотреться не в «буржуазное», а в «пролетарское зеркало». Стало быть, буржуазное отражение современной общественной жизни или, что то же самое, идеализм в социологии не является обыкновенным заблуждением или простой ошибкой, которой можно было бы избежать, а именно таким заблуждением, которое одновременно является необходимостью для данного общественного слоя. Оно не просто феномен познания, но и, главным образом, социальное явление.

Именно подобные социальные корни ослепляют мыслителей-идеалистов в отношении исторической истинности. Если бы идеализм, как и религия имели лишь познавательные причины, то ходом развития познания они были бы не только опровергнуты, но и давно искоренены. Здесь мы вплотную подходим к следующему решающему отличию идеализма от простой ошибки: если раскрытие и преодоление обыкновенной ошибки связывается с дальнейшим развитием познания, то идеализм как система воззрений может отпасть лишь тогда, когда исчезнет породившая его социальная почва. С ликвидацией реакционных или консервативных общественных слоев арена теоретической мысли раз и навсегда останется за одним только материалистическим миропониманием.

Однако, в силу наличия в человеческом сознании вообще гносеологических корней идеализма, в отдельных случаях возможны частичные отступления в гносеологических и онтологических вопросах, то есть воз-

можно ошибки идеалистического порядка. Но из-за отсутствия соответствующей социальной почвы они не могут быть обобщены и останутся в рамках лишь данного факта; по этой причине они лишаются тенденции превращения в идеалистическую систему. Иначе говоря, они останутся лишь на уровне простой ошибки и могут быть преодолены дальнейшим ходом развития познания. Об этом говорит более чем сорокалетний опыт нашей страны.

Из всего этого вытекает, что идеализм не просто чепуха или бессмыслица, а, по словам В. И. Ленина, пустоцвет, растущий на живом дереве познания.

Идеализм не есть бессмыслица прежде всего потому, что он связан с процессом познания. Нет такого идеалистического учения или системы, которая не имела бы своих корней в познании, не отправлялась бы односторонне от действительности и поэтому не извращала бы ее. Именно тот факт, что идеализм паразитирует на отдельных сторонах или свойствах познания, придает ему видимость научности; именно этот корень, при случае абсолютизации, из фактора, питающего данную идеалистическую систему, превращается в опасный покров, прикрывающий ее антинаучное содержание ее вопиющие противоречия с объективной действительностью.

Идеализм не есть бессмыслица и потому, что идеалистические системы не состоят из одних ошибок.

Верно, что развитие философской мысли в основном связано с его материалистическим крылом, верно также, что друзьями естествознания как правило были материалисты. Но оставляя за материализмом основную роль в развитии философских идей, мы далеки от мысли приписывать идеализму лишь отрицательную роль в истории философии. Признание идеализма просто за бессмыслицу неизбежно приводит к отрицанию его содержания вообще. И наоборот, зряшное отрицание его содержания вообще приводит по существу к признанию идеализма бессмыслицей. Именно такое неверное отношение послужило основой для того крайне одностороннего мнения, согласно которому история философии представлялась лишь как история развития материализма. Между тем общеизвестно, что во многих классических идеалистических системах философская мысль получила свое определенное развитие. Даже в иных идеалистических системах иногда раскрывалось больше истин, чем в некоторых материалистических системах. В. И. Ленин в связи с оценкой философии Гегеля высказал то мнение, что умный, т. е. диалектический, идеализм ближе к диалектическому материализму, чем метафизический материализм (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 271). Аналогичную мысль высказывает и Ф. Энгельс при сравнении философии Гегеля с философией Фейербаха: «Насколько идеалистична здесь (т. е. у Гегеля.—Ш. Г.) форма, настолько же реалистично и содержание... у Фейербаха—как раз наоборот» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Издание второе, т. 21, стр. 295).

Конечно, истины, встречающиеся в идеалистических системах, в основном вызваны собственно не идеалистической природой данной философии, или верностью данного мыслителя идеализму, а вопреки его исходным принципам. И далее,—идеализм не потому идеализм, что занимается изучением духовных качеств, но потому, что этим качествам придает самостоятельное, субстанциональное значение,—обстоятельство, вследствие чего раскрытие подлинной сущности духовного в самом деле исключается. Однако в области исследования форм мышления идеалистические системы оставили в истории теоретической мысли большое положительное наследие. В. И. Ленин именно о Гегеле сказал, что тот гениально угадал диалектику вещей в диалектике понятий.

И, наконец, идеализм не есть бессмыслица также по своему социальному содержанию. Он не вымысел отдельных индивидов, не субъективизм, связанный с некоторыми мыслителями, а субъективизм определенного общественного слоя или класса, детерминированный соответствующей социально-экономической средой, соответствующим бытием, лежащим под данным образом мышления или сознания.

* * *

Если роль идеализма в прогрессе познания исторически не только отрицательна (она отрицательна лишь в основном), то по отношению к ошибке мы можем утверждать это самое с гораздо большим правом, особенно если иметь в виду то обстоятельство, что идеализм есть главным образом социальное явление, потому и является временным спутником человеческого познания. А между тем ошибка будет существовать, пока функционирует человеческое познание: человек—существо ошибающееся, как и ошибки «человечны». По меткому выражению Локка, тот, кто хочет обеспечить себе безошибочность, должен добровольно закопать себя в могилу (конечно, если только такой его поступок не считать ошибкой).

Понятно, что ошибка прежде всего является ошибкой, т. е. противоположностью истинности, но она не только ошибка. Всякая истина достигается через совершение и преодоление многочисленных ошибок. Ложные пути не только приводят мысль к заблуждению, но и указывают путь к истине. Ошибки не только тормозят прогресс познания, но и непроизвольно, косвенно являются путеводителями истины. Великий русский врач Пирогов высказал мнение о том, что изучение ошибок надо сделать обязательной отраслью науки. Каждая новая ступень развития познания отправляется не только от истин, достигнутых на предыдущих ступенях, но и от допущенных ошибок. Познание пользуется как своими достижениями, так и заблуждениями. Ф. Энгельс, критикуя «истины в последней инстанции» Дюринга, показал, что на основных фронтах человеческого познания мы имеем дело с относительной истиной. Относительная же истина подлежит развитию, исправлению, дополнению, она окутана многочисленными предположениями и гипотезами. Поэтому запрещение ошибаться, или отказ от поисков истины

из-за боязни ошибиться ставит под запрет также поиски истины, иначе говоря, запрещение ошибаться открывает дверь для более крупных ошибок, или, как говорит Гегель, «боязнь заблуждаться есть уже заблуждение» (Гегель, Соч., т. 4, стр. 42).

Примерно такая ситуация сложилась в годы культа личности, особенно в области общественных наук. Прежде всего игнорировалось известное ленинское положение о том, что адекватное отражение действительности может быть обеспечено только через обобщение опыта миллионов. Тот факт, что отдельная личность присвоила право открытия истин, привел к крайне одностороннему отражению явлений, к их субъективистской оценке. А в научных кругах укоренился канонизированный, унифицированный образ мышления, действующий по одному общему конспекту. В этих условиях, когда даже формальные отклонения от преподнесенных Сталиным «официальных» формул могли быть рассмотрены как ревизия марксизма, иначе и не было возможно. Как могли бы люди совершать поиски во имя истины, во имя науки, не боясь ошибок, когда тысячи невинных за свои несовершенные ошибки расплачивались жизнью? Притом в создавшейся атмосфере даже самая невинная ошибка могла бы выглядеть идеалистической и висеть черной тучей над ошибающимся. Понятно, что при этом ошибающийся должен был подвергнуться не столько научному порицанию, сколько политическому преследованию. Ведь идеализм не есть лишь явление познавательного порядка, а главным образом, социальное явление.

В той же атмосфере, таким же способом обыкновенным ошибкам, или попросту мнениям, расходящимся с господствующими взглядами, приписывалось не только антинаучное, но и реакционное содержание. Между тем, антинаучное и реакционное не тождественны; реакционное не только ненаучно, но и преследует цели торможения прогресса человечества. Даже в такой, далеко стоящей от политики науке, как агрономия, противники травопольной системы, которая была одобрена Сталиным, наказывались далеко не научными средствами. Противники принципов Вильямса, как отметил Н. С. Хрущев, одновременно признавались врагами народа, а, понятно, как следует обращаться с врагами народа.

Не случайно, что в этих условиях научное исследование заменялось «цитатологией», а научная полемика—«цитатной борьбой». Процесс создания труда превращался в так называемый сбор материалов (т. е. в набор цитат) и изложение (т. е. в их присоединение). Выходило так, что можно писать то, что уже многократно написано, говорить то, что уже многократно сказано. В результате создавались книги не о жизни, а о книгах, книги о тех книгах, которые написаны о других книгах и так бесконечно. Там, где властвует культ и слепая вера, «бледнеет и гаснет» разум, там процветает догматизм и тупоумие. Не этот ли страх и крайняя осторожность породили однообразный, монотонный, безошибочный шаблон? И даже в настоящее время, когда партия очищает все уголки нашей жизни от следов культа личности, когда культ личности раз и навсегда отходит в мир горьких воспоминаний, в этих условиях (уже в

силу традиций) подчас продолжаем бояться поисков, даже когда этого требуют интересы науки. В сущности, быть может, столь большая осторожность вредит науке больше, чем ошибки, нашедшие место на пути смелых поисков истины.

* *

Прогресс человеческого познания и практики в огромной мере связан с раскрытием и преодолением ошибок. На коммунистической ступени развития общественной жизни, «когда социальные эволюции перестают быть политическими революциями» (Маркс), когда «критика оружием» теряет свое разумное содержание, надежным средством раскрытия и преодоления ошибок становится «оружие критики». Там, где отступает критика, там и отвергнуты права истины, там пускают корни ложь и беззаконье. В годы культа личности «мудрсе» руководство Сталина считалось несовместимым с ошибками. Поэтому всякая критика клеймилась как вражеское посягательство, а терпимость и ложное благочестие считались признаками революционности и преданности.

Сама критика не однородное явление и, следовательно, по-разному влияет на процесс развития. Следует различать два вида критики: критику, исходящую из внутренней необходимости развития данного явления, и критику, относящуюся к области внешних противоречий. Первый вид критики продиктован внутренней логикой развития вещей и служит их прогрессу. Критика же второго вида, наоборот, не только не вытекает из внутреннего течения развития, не только не преследует цели развития, но и имеет тенденцию его уничтожения как такового. Первая предполагает диалектическое отрицание, самоотрицание, вторая же—метафизическое, внешнее, субъективное, скептическое отрицание. Первая имеет дружеский характер, вторая—вражеский².

Следовательно, не всякая критика выше критикуемого, а только та критика, которая содержит в себе диалектическое отрицание.

Иллюстрацией к сказанному может служить пример различного отношения Ленина и Сталина к колебаниям М. Горького в 1917 году. Ленин, резко критикуя Горького, указывает и на его заслуги перед революцией, заботливо раскрывая корни его ошибок. А между тем для Сталина эти колебания были достаточны, чтобы неожиданно Горький оказался в рядах буржуазной интеллигенции и считался умершим для революции. Критика Ленина—критика помогающая, критика, предполагающая дальнейшее развитие, а Сталин закрывает все дороги его дальнейшего прогресса. Ленин исправляет, воспитывает, Сталин же предпочитает уничтожать.

То же самое мы замечаем по отношению к Покровскому и другим мыслителям и деятелям.

² Разумеется, речь идет не о критике регрессивных тенденций со стороны прогрессивных в общественной жизни, например, критики капитализма со стороны социализма, которая содержит в себе прогресс и диалектическое отрицание.

Критика, предполагающая диалектическое отрицание, является самым гуманистическим актом. Она направлена не против человека, а против его ошибок, во имя торжества в ней самого человеческого.

Одновременно следует отметить, что критика в основном является орудием для раскрытия и оценки ошибок. Критика может служить и орудием преодоления ошибок лишь тогда, когда ошибки ограничиваются пределами мысли, пока ошибки мысли не превратились в ошибки действия. Последние могут быть коренным образом преодолены лишь практической, предметной деятельностью человека.